Девушка, которая ушла под лед

Автор:
Меган Миранда

Девушка, которая ушла под лед

Меган Миранда

Trendbooks thriller

Дилани Максвелл провела на дне ледяного озера одиннадцать минут. Ее сердце перестало биться. Ее мозг перестал работать. Она была мертва. А потом Дилани пришла в сознание, но ее жизнь навсегда изменилась. Дилани обрела странную способность притягивать к себе смерть. Девушка не знает, может ли ее дар спасать людей или, наоборот, становится причиной их гибели. Но она точно знает, что о нем никому нельзя рассказывать. Даже Деккеру, ее лучшему другу и первой любви. Вскоре в жизни Дилани появляется Трой Варга, притягательный, голубоглазый, загадочный. Что знает Трой о способностях Дилани? Почему их словно магнитом притягивает друг к другу? И насколько опасно это притяжение?

Меган Миранда

Девушка, которая ушла под лед

Посвящается моей матери, которая всегда говорит то, что думает, и моему отцу, который всегда думает, что говорит

Оригинальное название: Fracture Copyright

© 2012 by Megan Miranda

Published by arrangement with Rights People, London

Опубликовано по согласованию с агентством The Van Lear Agency LLC

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

Глава 1

Я не видела Бога, когда умерла впервые. Не было туннеля и яркого света в его конце. Не доносилось пения ангелов, окруженных ослепительным сиянием. Не вышли навстречу покойные бабушка с дедушкой. Видно, моя кандидатура в раю не прошла отбор. А зря, я бы, пожалуй, оправдала возложенные на меня надежды. Но и огненные языки не лизали мне пятки, серой не воняло. Не было абсолютной темноты. Ничего не было.

Вот я скребу онемевшими пальцами толщу льда над головой, легкие горят. И вдруг всё – лед, боль, сочащееся сквозь лед солнце – исчезает. В одно мгновение.

А затем я увидела свет. Человек в белом – совсем не Господь Бог – светил мне ручкой-фонариком в глаза: в один, в другой, в один, в другой… Потом потянул у меня из горла трубку толщиной с садовый шланг. Голос у него был таким, каким должен был быть голос у Бога: спокойный, властный. Но я точно знала, что он не Бог, потому что нас окружали стены цвета заварного крема, а я этот цвет терпеть не могу. Кроме того, из меня торчало как минимум штук пять разных трубок. Вряд ли на Небесах так увлекаются пластиком.

«Пошевелись», – приказала я себе. Но тело не отреагировало: вдоль кровати белым пятном по-прежнему двигался туда-сюда человек. «Говори», – приказала я себе, но слова звучали только от человека в белом: цифры, буквы, непонятные слова. «Трескучие слова и ничего не значат…»

Я была в плену. Теперь меня сковывала не ледяная вода, а собственное тело – непослушное, невыносимо тяжелое, оцепеневшее от ужаса. Те же ощущения, что и подо льдом.

Я оказалась пленницей тела, которое не слушалось меня.

– Историю болезни, пожалуйста, – произнес человек-который-не-был-Богом. Поднял мою руку. Опустил. Она шлепнулась на кровать. Кто-то испуганно ахнул.

Отовсюду звучали голоса, дрожащие металлическим эхом.

– Пол: женский. Возраст: семнадцать лет.

– Тяжелое повреждение мозга вследствие гипоксии.

– Не реагирует на раздражители.

– Кома. Шестые сутки.

Шестые сутки? Я цеплялась за каждое слово, карабкалась из темноты наружу, собирала слоги в слова, слова – в фразы. Пока бессмысленные сочетания звуков не обрели значения. Ш-э-с-ты-ы-йэ-су-у-т-ки… Шестые… сутки… Шестые сутки. Неделя. Прошла почти неделя. С шеи человека в белом свисает стетоскоп, болтается у меня перед носом, как маятник часов.

* * *

Отматываю шесть дней… Деккер Филлипс, мой лучший друг с незапамятных времен. Сосед с еще более незапамятных. Вот он стоит перед лестницей и кричит:

– Дилани, шевели ногами! Мы опаздываем!

Черт! Захлопываю учебник английского, бросаюсь к комоду. Где зимняя одежда?

– Иду! – кричу я в ответ, пытаясь влезть в термоштаны. Сели они, что ли, с прошлой зимы? Кое-как втискиваюсь, растягивая резинку, которая предательски впивается в талию. Только тяни не тяни, она тут же возвращается на место и сдавливает внутренности. Поэтому хватаюсь за нее двумя руками, вкладываю

все силы… Треск… Победа!

Так, сверху белые лыжные штаны, куртка. Шапка и перчатки – по карманам. Теперь я в два раза больше, но зима есть зима. Зима в штате Мэн, между прочим. Сбегаю по лестнице, три последние ступеньки преодолеваю одним прыжком.

– Я готова.

– Ты чего, свихнулась? – Деккер смотрит во все глаза.

– А что не так? – парирую я, уперев руки в боки.

– Шутишь?

Мы собирались идти играть в прятки. Как правило, в прятки играют в темноте. Мы же играли на снегу, поэтому одеваться нужно было в белое. Только вот мама отправила в утиль мою прошлогоднюю куртку и выдала мне ярко-красную парку.

– Хочешь, чтобы я умерла от холода?

– Вообще без понятия, как я согласился играть с тобой в одной команде. Бегаешь медленно, шума от тебя немерено, так теперь ты еще и идеальная мишень.

– Ты согласился, потому что влюбился в меня.

Деккер покачал головой и прищурился.

– Вырвиглаз, а не куртка.

Я посмотрела на себя. Ну да, он прав. Кричаще-красный цвет.

– Я ее выверну наизнанку, когда мы начнем играть. Подкладка не такая жуткая.

Деккер направился к выходу, но, клянусь, я заметила ухмылку у него на лице.

– И вообще, я же молчу по поводу твоих волос. Мои вот – отличная маскировка.

Я запустила сразу обе пятерни в его черные волосы, но он только отмахнулся от меня. Как от назойливой мухи. Будто я пустое место.

Схватив за запястье, Деккер выволок меня на улицу, да с такой скоростью, что я чуть не бухнулась с крыльца. Мы пробежали через наш двор, мимо дома Деккера, перелезли через сугроб на противоположной стороне улицы. Мы бежали прямо по дороге, где уже накатали колеи, потому что тротуары от снега еще не чистили. Вернее, Деккер бежал. Я ускорялась, только если он оборачивался, а пока он не видел, переходила на шаг. Но уже к концу улицы лицо у меня заледенело.

Мы вывернули к озеру, и Деккер в шесть больших прыжков спустился прямо по крутой насыпи. Я же сделала крюк и подошла к нему по пологому склону. Перед нами расстилалось озеро Фалькон. Согнувшись и упершись руками в колени, я пыталась отдышаться.

– Дай минуту передохнуть.

– Да ты прикалываешься!

При каждом выдохе изо рта у меня вылетало и таяло облачко пара. Наконец я распрямилась. Деккер смотрел на середину озера. Я с трудом различила сливающиеся с белым фоном белые фигурки. Деккер прав: даже если я переодену куртку наизнанку, мы обречены.

По высокому снегу уходила в прибрежный ельник вереница грязных следов. Деккер посмотрел на свежевытоптанную тропинку, перевел взгляд на противоположный берег озера.

– Срежем! – решил он и, схватив меня за локоть, потащил напрямик.

– Я упаду!

Конечно, рифленая подошва зимних ботинок не должна была скользить, но ноги все равно разъезжались.

– Да перестань!

Деккер шагнул на присыпанный снегом лед, подождал мгновение, пока я последую за ним, и двинулся напрямик.

В январе мы катались по озеру на коньках. В августе сидели на галечном берегу и мочили босые ноги. Даже в разгар лета вода оставалась слишком холодной, чтобы купаться. Сейчас была первая неделя декабря. Выходить кататься еще рановато, но местные рыбаки говорили, что в этом году лед встал рано и они уже собрались двинуться на север.

Деккер – спортивный, ловкий – шел по замерзшему озеру как по асфальту. Я же скользила, теряла равновесие, ступала как канатоходец, широко раскинув руки. На середине озера поскользнулась, налетела на Деккера. Он поймал меня за талию.

– Осторожнее, – сказал он, прижав к себе.

– Давай вернемся, – попросила я.

На другом берегу нас ждали ребята со школы. Теперь их лица вполне можно было разглядеть. Восемь человек. Мы были знакомы всю жизнь – и прошли через всякое.

Карсон Левин, сложив руки наподобие рупора, крикнул:

– Нормальный лед?

Белые кудри торчали у него из-под шапки.

Деккер отпустил меня и двинулся дальше.

– Как видишь, я пока не умер, – крикнул он в ответ, затем повернулся ко мне. – Твой жених уже заждался, – бросил он сквозь зубы.

– Да какой жених… – начала я, но Деккер не слушал – ушел вперед.

Он шел, а я стояла на месте. Он был уже на другом берегу, а я так и осталась торчать одна посреди озера. Карсон похлопал Деккера по спине, а тот даже не подумал увернуться. Что за двойные стандарты? Два дня назад я нарушила «Главное правило лучших друзей»: «Да не зависай с другом твоего лучшего друга на диване твоего лучшего друга». Я медленно обернулась вокруг своей оси, чтобы оценить, до какого берега ближе. Все же большая часть пути уже осталась позади.

– Ди, давай сюда. Или тебя до ночи ждать? – позвал Деккер.

– Иду, иду, – буркнула я себе под нос и пошла быстрее, чем следовало.

И поскользнулась. Вскинула руки, чтобы ухватиться за Деккера, хотя знала, что он слишком далеко. Я плюхнулась на левый бок, прямо на руку, – и услышала треск. Только треснула не кость. Треснул лед. Нет!

Я лежала на боку, ухом на льду, и слышала, как трещина растет: медленно, затем быстрее, быстрее. Мелкие трещинки превращаются в большие… Треск нарастает… И внезапно стало тихо. Я не шевелилась. Вдруг, если не шевелиться, я удержусь на поверхности? Топот: Деккер побежал ко мне. И лед разломился…

– Деккер! – заорала я.

Вода. Она обхватила меня, сжала. И начала поглощать. Паника. Паника. Только паника.

Ни капли здравого смысла – я не просила Господа спасти меня. Ни следа мужества – я не дала Деккеру понять, что он должен остаться на берегу. Одно только слово пульсировало в голове: «Нет! Нет! Нет!»

Сначала была боль. В кожу впились иглы. Спазм сковал внутренности. Мышцы непроизвольно сжались. Тело пыталось закрыться от холода. Затем послышался шум. Шум накатывающей массы воды. Шум воды, которая пронзает холодом барабанные перепонки. У боли появился звук. Высокий, резкий, на одной ноте. Огромная намокшая парка быстро тянула меня на дно, а я пыталась хоть как-то удержаться у поверхности.

Вокруг бурлила черная толща воды, а надо мной, уже высоко надо мной, виднелись следы – пятна света на льду в тех местах, куда наступали мы с Деккером. Изо всех сил я стремилась к ним. Мозг посылал ногам сигнал двигаться быстрее, сильнее, но они отзывались лишь слабым шевелением. Каким-то чудом мне удалось выплыть к поверхности, но я никак не могла найти дыру, в которую провалилась. Я билась об лед, но вода была густой, как патока, а ледяная корка – прочной, как железо. Не контролируя себя, я вдохнула ледяную воду – легкие вспыхнули. Попыталась откашляться – и снова захлебнулась, еще попытка – и опять ледяная вода. Грудь заполнилась свинцом, руки и ноги отяжелели, замерли.

Но за мгновение до того, как ничего не стало, я услышала голос. Шепот. В самое ухо. «Борись! Борись, чтобы видеть свет!»

* * *

Я моргнула. Уверенный голос:

– Сегодня она дышит сама, без аппарата искусственной вентиляции легких. Прогнозы?

– В лучшем случае постоянное вегетативное состояние.

Отдаленные голоса стали слышны четче.

– Лучше бы умерла. Зачем ее интубировали, если мозг умер?

– Несовершеннолетняя, – пояснил врач. Нагнулся, проверил трубки. – Ребенок должен быть жив до приезда родителей.

Врач отошел, и мне открылся хор ангелов. У стен стояли мужчины и женщины в белом. Они шевелили губами и поэтому напоминали поющих ангелов.

– Доктор Логан, она, кажется, пришла в себя. Они все смотрели на меня, а я смотрела на них. Доктор – доктор Логан – хмыкнул.

– Запомните, доктор Кляйн, пациенты в коме могут открывать глаза. Но это не значит, что они видят присутствующих.

«Пошевелись! Заговори!» Прямо в ухо – требовательный шепот: «Борись!» И я послушалась. Я ударила врача по руке, я вцепилась в белый халат, я впилась ногтями в его ладонь, когда он попытался отбросить мою руку. Я замолотила ногами, чтобы избавиться от простыни, которой была укрыта.

Я боролась, потому что узнала шепот: это был мой собственный голос.

– Имя! Как ее зовут? – выкрикнул врач.

Он навалился на меня всем весом, рукой прижимая верхнюю часть моего тела к кровати. Но я не успокаивалась.

– Дилани. Дилани Максвелл! – крикнул кто-то из ангелов.

Свободной рукой доктор ухватил меня за подбородок, зафиксировал его и приподнял голову, приблизил свое лицо ко мне – настолько близко, что я почувствовала мятное дыхание, увидела сеточку морщин вокруг рта. Он заговорил только после того, как поймал мой взгляд.

– Дилани! Дилани Максвелл, я доктор Логан. С тобой произошел несчастный случай. Ты в больнице. С тобой все в порядке.

Паника стала утихать. Свободна. Свободна ото льда, от оков собственного тела. Шевельнула губами, чтобы заговорить, но не смогла из-за рук врача, которые зафиксировали мой подбородок и грудную клетку. Доктор Логан медленно отпустил меня.

– Где… – Голос оказался тихим, хриплым, как у заядлого курильщика. Я попыталась откашляться. – Где… – Но закончить фразу не получалось. Лед разломился. Я провалилась. А его не было.

– …родители? – доктор Логан закончил фразу за меня. – Не волнуйся, они здесь. – Он повернулся к ангельскому хору и рявкнул: – Найдите родителей, быстро!

Но мой вопрос был не о родителях. Вовсе не о них.

Доктор Логан выпроводил всех из палаты, но далеко они не ушли: столпились у дверей, о чем-то переговариваясь. Он сам стоял в углу, скрестив руки на груди, и наблюдал за мной. Внимательно. Смотрел, будто раздевает взглядом. Нет, неправильное слово: не раздевает, а рассекает тело слой за слоем. Кожа, мышцы, связки, сухожилия, кости. Я попыталась отвернуться, но не вышло – слишком тяжело.

Растолкав собравшихся у входа, в дверном проеме застыла мама. Замерла, ухватившись за косяк двери, затем вскинула руки к груди и со вскриком «Девочка моя!» бросилась ко мне. Схватила мою руку, поднесла к лицу, уткнулась мне в плечо и зарыдала.

У меня по шее потекли ее горячие слезы, от каштановых волос сильно пахло лаком. Я отвернулась, вдохнула через рот.

– Мам…

Она не слышала, все так же качала головой, царапая мне подбородок зацементированными локонами. Вошел папа – с улыбкой. Он смеялся, жал руку доктору. Доктору, который даже не знал моего имени и думал, что я никогда не приду в сознание. Отец тряс ему руку, будто всем на свете был ему обязан.

Я собралась с духом и произнесла тот самый вопрос. Голос звучал грубо, как чужой.

– Где Деккер?

Мама не ответила, но и плакать перестала. Села прямо, вытерла слезы рукавом.

– Папа, где Деккер? – снова спросила я. В голосе появились нотки паники.

Папа подошел к кровати с другой стороны, приложил ладонь к моей щеке.

– Где-то здесь.

Я закрыла глаза. Сразу стало легче. С Деккером все хорошо. Со мной все хорошо. С нами все хорошо. Снова заговорил доктор Логан:

– Дилани, некоторое время ты провела без кислорода, что привело к некоторым… э-э-э… повреждениям. Не пугайся, если сложно подбирать слова, если ускользают мысли. Тебе нужно время на восстановление.

Судя по всему, со мной было не все хорошо.

Я услышала его. Бежит огромными шагами по коридору, замедляется на повороте коридора, со скрипом тормозит у входа. Влетает в палату.

– Что? Что случилось?

Пытаясь отдышаться, всматривается в лица собравшихся. Папа отходит от кровати.

– Посмотри сам, Деккер.

Серые глаза закрыты черной челкой, под глазами огромные сизые круги. Бледный, измученный – первый раз вижу Деккера таким. Наконец он смотрит на меня.

– Дерьмово выглядишь, – говорю я, пытаясь улыбнуться.

Деккер не улыбается в ответ. Он обрушивается на кровать и рыдает. Рыдает и трясется. При каждом вдохе вцепляясь забинтованными пальцами в простыню.

Деккер не из тех, кто плачет. Говоря по правде, я только один раз видела, как он плачет в том возрасте, когда мальчикам уже стыдно плакать. Во время игры в бейсбол он налетел на первокурсника с битой и сломал руку. Те слезы были объяснимы, он имел на них право. В конце концов, проткнувшая плоть кость торчала наружу. В конце концов, благодаря ему команда выиграла, что искупало любые мужские слезы.

– Деккер…

Я хотела погладить его, но вспомнила, как пыталась потрепать его по волосам, а он увернулся. Шесть дней назад, если верить врачу. А кажется, прошла пара минут.

– Прости меня, – выговорил Деккер сквозь слезы.

– За что?

– За это все. Это я виноват.

– Сынок… – вмешался мой отец, но Деккер плакал и говорил.

– Я спешил, зачем я так спешил? Это я придумал туда пойти. Заставил тебя идти по льду. И бросил. Поверить не могу, что бросил тебя… – Он выпрямился, вытер слезы. – Я должен был сразу же прыгнуть за тобой, не дать парням меня удержать.

Деккер закрыл лицо ладонями. Я думала, он снова заплачет, но он сделал несколько глубоких вдохов – овладел собой. Затем посмотрел на мое обмотанное бинтами тело. Лицо его искривилось.

– Ди, я сломал тебе ребра.

– Что?

Вот этого я не помнила.

– Детка, он пытался тебя реанимировать, – пояснила мама. – Он спас тебе жизнь.

Деккер только молча покачал головой. Отец положил руки ему на плечи.

– Тут не за что извиняться, сынок.

В моем затуманенном лекарствами сознании – а наверняка лекарств во мне было полно – возникла картинка, как Деккер откачивает меня – мертвую. В прошлом году на занятиях по медицине меня поставили в пару с Тарой Спано, чтобы

отрабатывать приемы реанимации. Мистер Гершман показывал, как класть руки на грудную клетку, и громко считал вслух, а мы делали вид, что реанимируем друг друга, но не вкладывали в движения никакой силы.

Тара, отбыв пациентом, устроила целый спектакль – поправила лифчик четвертого размера и произнесла:

– Я тебе скажу, Дилани, за всю неделю над моей грудью столько не трудились, сколько за этот урок.

Над моей грудью столько за всю жизнь не трудились – не то что за неделю, но я решила промолчать. Еще несколько дней после этого по школе усиленно бродили слухи, что мы с Тарой лесбиянки. А потом она доказала свою гетеросексуальную ориентацию при помощи Джима Хардинга, капитана школьной футбольной команды.

Я поднесла ладонь к губам и закрыла глаза. Губы Деккера касались моих. Его дыхание наполняло мои легкие. Его ладони были у меня на груди. Врач, родители, его друзья – все об этом знали. Это было слишком личное. То, что должно было принадлежать нам двоим, теперь стало достоянием общественности. Я открыла глаза и сразу же отвела их в сторону.

– Извините, но я должен провести полный осмотр, – сообщил доктор Логан, спасая меня из неловкой ситуации.

– Иди домой, Деккер, отдохни. Выспись, она никуда не денется, – сказал мой отец.

И он, и мама, и Деккер улыбались странными, заговорщическими улыбками, будто знали то, о чем я никогда не узнаю.

Палату заполнили медики. Они больше не подпирали стены: крутились возле меня, делали пометки в планшетах.

– Что со мной случилось? – спросила я, не обращаясь ни к кому конкретно. Горло сдавил спазм.

– Ты умерла, – с улыбкой ответил доктор Кляйн. – Я дежурил, когда тебя привезли. И ты была мертва.

– А теперь жива, – добавила доктор-женщина.

Доктор Логан придавливал мне кожу в разных местах и смотрел на реакцию, выворачивал руки и ноги, но я не чувствовала боли. Я вообще мало что чувствовала. Больше всего хотелось, чтоб он достал из меня трубки.

– Чудо, – произнес доктор Кляйн. Слово вышло легким, невесомым. Веки опустились.

Но я чувствовала себя иначе: тело было неимоверно тяжелое, будто его придавили к земле. Ничего чудесного. Все вполне приземленно: случайность, аномалия – вот верные слова. И благоговение перед чудом тут было неуместно.

Горло болело и отекло, было невыносимо трудно говорить. Хотя какая разница: вокруг так шумно, что и слова не вставить. Первый осмотр закончился, а люди все приходили и приходили. Медсестры проверяли трубки и аппараты, доктора всматривались в показания приборов. Папа бегал из палаты в палату, расспрашивал медсестер и врачей и делился с нами информацией.

– Завтра тебя переведут из травматологии, – сообщил он, и я очень обрадовалась, потому что цвет стен вызывал у меня клаустрофобию. – Проведут кое-какие обследования, тесты, как они говорят, и начнут реабилитацию. – Эта новость обрадовала еще больше, потому что с тестами у меня никогда не возникало проблем.

Мама выслушивала докторов, отбивая подошвой ритм, и кивала, когда говорил отец. Но сама все время молчала. Всеобщая неразбериха поглотила ее. Но она единственная никуда не уходила из палаты, стала константой, в которую я мысленно вцепилась изо всех сил, а она не отпускала мою руку: взяла мою ладонь в свою, а большой палец положила на запястье. Раз в несколько минут она сосредоточенно закрывала глаза. И я наконец поняла, что она считает мой пульс.

К вечеру количество трубок, торчащих из меня, уменьшилось. Медсестра по имени Мелинда укрыла меня одеялом до самого подбородка, убрала с лица

волосы.

– Скоро начнем потихонечку вставать, детка.

У нее был глубокий, умиротворяющий голос. Она повесила очередной пакет с раствором для капельницы, проверила подключение.

– Чувствительность восстановится. Только не сразу, медленно.

Мелинда положила мне на язык таблетку, поднесла к губам бумажный стаканчик с водой. Я сделала глоток, проглотила таблетку.

– Нужно поспать. Сон лечит.

Пикали и жужжали приборы, равномерно падали капли лекарства – кап, как, кап, – и я начала проваливаться в сон.

Прикосновение шершавой ладони к щеке. Открываю глаза. Темно. А слева – сгусток темноты. Наклоняется ко мне. Шепчет:

– Мучаешься…

Веки закрываются. Тело налито тяжестью, напитано водой. Меня тянет вниз. Далеко вниз, на глубину. Открываю рот, чтобы произнести «нет», но выходит только едва слышный стон.

– Не волнуйся. Осталось недолго, – тот же шепот.

Кто-то роется в ящиках возле кровати. Шершавая рука ложится мне на плечо, движется вниз, к запястью, царапает кожу, возвращается к локтю и срывает пластырь, приклеенный на сгибе. Зачем? Этого нельзя делать. Я понимаю, что нельзя, но я далеко, слишком далеко… Рука надавливает на сгиб локтя, вынимает иглу капельницы.

Прикосновение холодного металла. Резкое движение. Металл впивается в кожу на предплечье. Рассекает кожу – и мне становится больно. Рывок. Хватаю другой рукой сгусток тени. Он шипит от боли, отдергивает руки. Металлический предмет со звоном падает рядом с кроватью.

Шаркающие шаги быстро удаляются к двери. Дверь открывается, и в свете дверного проема вырисовывается силуэт. Мужская спина. Поверх формы медбрата – футболка с капюшоном.

Веки наливаются свинцом. Я снова проваливаюсь в сон. Пикают и жужжат приборы, равномерно падают капли – кап, как, кап, – капли моей крови.

Глава 2

Меня разбудил громкий крик. Я проснулась вся мокрая. И я снова чувствовала. Чувствовала все. Абсолютно все. Вот коснулся лица поток воздуха – полоснул лезвием. Одеяло придавило к кровати – бетонная плита. Простыни впились в кожу – трут наждаком. Но я чувствовала не только боль. Появилось что-то новое, непривычное, неестественное. Мое тело тянули, разрывали во все стороны сразу. Каждая клеточка, каждая косточка, каждая мышца натянута – все трещит по швам, вот-вот разойдется. А в голове беснуется барабан, стучит, отбивает ритм моего сердца. Пульсирует. Не могу, не могу больше – череп сейчас лопнет.

Прибежали какие-то люди. Смотрят на лужу крови у кровати. Смотрят на вырванную из руки, болтающуюся капельницу. Смотрят друг на друга. Они открывают рты, переговариваются, но я не понимаю ни слова из-за крика. Крик заглушает все и всех, а потом мне что-то колют в руку – и я перестаю чувствовать. И перестаю слышать крик.

– Зачем, зачем ей выдергивать у себя капельницу? Зачем ей резать себя? И не признаваться в этом? – Мама бесновалась в коридоре. Но врач не кричал в ответ, отвечал тихо, поэтому я могла слышать только обрывки разговора.

Врач, накладывающая мне на руку швы, делала вид, что в коридоре ничего не происходит, и усердно шумела металлическими лоточками, чтобы заглушить

перепалку.

– Она говорит, что видела мужчину. Говорит, что это он порезал ее. Моя дочь никогда не врет!

Тихий неразборчивый ответ.

– Да где? Где, по-вашему, она взяла бритву? Зачем бы она стала это делать? Она что, по-вашему…

Резкий шепот.

– Галлюцинации? От лекарств?

Вот так. В палату вошли родители, доктор Логан, медсестра по имени Мелинда. Встали вокруг кровати. Доктор Логан смотрел на меня так, как в детстве смотрел папа, если я ревела из-за монстра под кроватью или боялась одна идти ночью в туалет: вроде с пониманием, но и с высоты взрослого опыта.

– В палате кто-то был, – сказала я, опережая их.

Доктор Логан кивнул, а мама сразу взяла меня за руку. Папа отошел от кровати, начал мерить шагами палату.

– При повреждении мозга галлюцинации вполне возможны, – пояснил доктор.

У мамы из уголка глаза выкатилась слеза, стекла по щеке, шлепнулась на плечо, растеклась мокрым пятном на шелковой блузке.

Доктор Логан указал пальцем прямо мне на лоб.

– В ближайшее время мы узнаем, что у нее там происходит.

День тянулся медленно. Меня перевели этажом ниже в палату с голубыми стенами и душем. Уже сам по себе этот факт вселял надежду, ведь яркий и жизнерадостный цвет стен предполагал, что я могу их видеть, а значит,

нахожусь в сознании и худо-бедно соображаю. И кто знает, вдруг мне даже понадобится душ. Я чувствовала все то же напряжение, тело тянуло сразу во всех направлениях – вверх, вниз, вправо, влево, – но не так сильно. Вернее, натяжение то ослабевало, то становилось сильнее. Тогда я обхватывала себя руками, будто пытаясь не дать себе разорваться на кусочки, но ощущение не проходило.

После уроков пришел Деккер. Сел у кровати. Сел так, чтобы быть как можно ближе, но не касаться меня. Мы вместе молча смотрели телик – и это было хорошо. Мы знали друг друга достаточно давно, поэтому разговаривать было вовсе не обязательно. Тем более ни мне, ни ему этого особо не хотелось. Затем меня увезли на тесты, только они ничего общего с обычными тестами не имели, потому что сама я ничего не делала: я просто лежала, а приборы жужжали, гудели, пикали и фотографировали мой мозг.

Вечером пришла Мелинда. Поставила новую капельницу.

– Сегодня доктор назначил тебе дозу поменьше, детка, – сообщила она, сунула мне в рот таблетку и поднесла к губам стакан с водой, как накануне. А потом эта милая женщина, нашептывая какие-то успокаивающие слова и гладя меня по голове, привязала меня к кровати.

Утром меня отключили от всех трубок. Какой это был день? Суббота? Очень хотелось сориентироваться во времени. Снова появилось разрывающее тело напряжение. Тянуло вниз, тянуло из палаты. Новая медсестра, даже не улыбнувшись, высыпала мне в рот пригоршню таблеток и залила водой. Я скучала по трубкам – успела к ним привыкнуть.

Зашел, кивнув родителям в знак приветствия, доктор Логан. Щелкнул выключателем – загорелся белый экран на стене. Несмотря на болеутоляющие, каждый вдох и выдох отзывались в сломанных ребрах. Но еще хуже, что экран на стене издавал монотонный, хоть и тихий гул. И этот гул впивался мне в самую середину мозга. Доктор Логан прикрепил на экран большой кусок плотной пленки.

– Так, Дилани, давай смотреть. Вот это МРТ обычного мозга, – пояснил он, указывая на снимок в поперечной проекции, который был расчерчен сеткой три

на три клетки. Хоть в крестики-нолики играй. Мозг на снимке напоминал какой-то разрезанный пополам плод, снятый на черно-белую камеру: переходы и наслоения серых пятен разной интенсивности.

Затем доктор Логан прикрепил на экран еще кусок плотной пленки.

– А вот это – результаты твоей томографии.

Мой мозг в разрезе оказался гораздо занятнее. Серый фон был испещрен массой белых пятнышек разного размера и формы. А в одном из квадрантов даже виднелось пятно, напоминающее мазок кисти художника. Я молчала. Честно говоря, мой снимок мне нравился больше, только вот вряд ли он относился к категории обычных. А необычный мозг – так себе новость. Мама сжала мою правую руку. Папа сделал глубокий вдох и со свистом выдохнул.

– Как мы видим, мозг сильно пострадал. Белые пятна означают поврежденные участки, и они повсюду. – Доктор Логан подвигал нижней челюстью, тяжело вздохнул. По правилам должно было последовать «но». Например, «…но выходит, что ты обходишься без этих участков мозга».

Однако он произнес:

– И совершенно удивительно, что ты полностью пришла в сознание, без нарушений памяти, без нарушений речи. Ты вообще в полном порядке, можно сказать. – Он сунул руки в карманы халата. – И я понятия не имею, как такое вообще возможно.

Я коснулась кончиками пальцев лба, линии роста волос.

– У меня поврежден мозг? У меня не в порядке с головой?

– И да, и нет. Технически да, поврежден. Но какие-либо симптомы повреждения отсутствуют.

– Тогда что с ним не так?

Доктор Логан задумчиво провел рукой по тронутой сединой челке.

– Если верить МРТ, с твоим мозгом многое не так. У тебя должны быть проблемы с памятью, как с кратковременной, так и с долговременной, – но их нет. У тебя должны быть нарушения речи, проблемы с восприятием информации, должна быть нарушена координация – но ничего этого нет. Честно говоря, ты должна до сих пор находиться в коме или в вегетативном состоянии.

Мне стало страшно. Внутри все сжалось так, что заболели ребра. Но я обрадовалась физической боли, потому что она отвлекала от ранящих мыслей. А что, если все временно? Если природа осознает ошибку и вернет меня в состояние комы, а тело останется пустой физической оболочкой?

Я коснулась рукой макушки.

– Я умру?

Доктор Логан подался вперед, покачал головой. Но не стал отрицать.

– Скажу честно, науке очень мало известно о человеческом мозге. Поразительно мало.

Если он хотел меня поддержать, то у него не вышло. Такая фраза из уст специалиста-невролога вселяла ужас.

Мне требовалась ясность.

– Я умру?

Доктор Логан хлопнул в ладоши и посмотрел вверх – будто ждал, что оттуда прозвучит ответ. А когда его не последовало, произнес:

– Точно не сегодня.

Я не поверила в разыгранный спектакль. Но он продолжил:

– Понятия не имею, как твой организм функционирует с такими обширными повреждениями. Похоже, здоровые области мозга компенсируют пострадавшие.

Мама заговорила. Каблуком она отбивала по полу ритм – в два раза быстрее, чем слова.

– То есть, – цок-цок-цок, – она будет здорова. – Цок-цок-цок.

Ее ладонь легла мне на лоб. Губы доктора Логана чуть изогнулись в улыбке – по такой не понять, что у него на уме.

– Как только подготовим документы, начнется реабилитация. Тогда и посмотрим.

Папа убрал со лба прядь волос. Он тоже был блондин, как и я. Без единого седого волоса. В этот момент он, слегка взлохмаченный, в помятой одежде, вполне мог сойти за классного родителя. Только это не соответствовало действительности.

Увидеть папу без прилизанной прически можно было только в отпуске, и то если мама забывала прихватить его гель для волос. А так каждое утро он мазал волосы гелем, зачесывал их назад, обувал лоферы, повязывал галстук и отправлялся на работу – в свою бухгалтерскую фирму. Вот так выглядел и вел себя мой настоящий отец. А помятый взъерошенный тип у больничной кровати – самозванец.

Раньше отец работал в крупной аудиторской компании, по выходным проводил выездные аудиторские проверки. А когда я пошла в младшую школу, уволился и открыл собственную фирму в соседнем городке. В ней было всего два сотрудника: он сам и секретарша. В нашей части штата Мэн не было серьезных клиентов, чтобы отец разбогател, но на оплату счетов его прибыли хватало, и к тому же вечера и выходные он проводил дома, с семьей. Его такое положение дел вполне устраивало.

– Медицинская страховка покроет расходы на лечение?

Вот теперь я узнавала папу.

– Этот вопрос решайте с нашей бухгалтерией, – ответил доктор Логан, собирая снимки.

Я снова почувствовала странный зуд в голове. Интересно, это ощущение происходит из поврежденной части мозга или из той, которая работает вместо нее? Может, оно возникает из-за жужжания приборов? А может, дела мои так плохи, что нейроны гибнут один за другим, – мне кажется, что в мозгу возникает зуд, а на самом деле его нет?

– Со мной все в порядке, – сказала я вслух, хотя мое тело разрывалось на части, а снимок моего мозга напоминал фотку салюта на День независимости. – Со мной все в порядке, – повторила я, будто слова должны определить реальность.

Мама все так же отстукивала каблуком ритм, папа уставился в окно – наверное, вел в голове подсчеты расходов. Доктор Логан смотрел на меня, но не в глаза: его взгляд сосредоточился на невидимой точке чуть выше – там, где обосновалась медицинская аномалия. Затем он медленно вышел из палаты.

Как только врач покинул палату, вошел Деккер и без предисловий вывалил содержимое рюкзака в ногах кровати. Папа взял маму под локоть и увел, что-то нашептывая.

Судя по всему, Деккер не заметил напряжения, повисшего в палате.

– Открытки, – сообщил он, рассыпая у меня на коленях груду открыток с пожеланиями выздоровления.

– Еда.

Три бургера и две пачки картошки фри легли на прикроватный столик, который Деккер тут же развернул ко мне.

Я оторвала взгляд от выключенного белого экрана. Пару минут назад благодаря ему меня наградили клеймом ненормальной. Деккер не знал об этом. Я улыбнулась.

– А кому третий бургер?

Он расплылся в улыбке и пододвинул к себе ничейный бургер.

– И, как ты просила, – домашка. – Три учебника Деккер положил на кровать у моих ног. – Но заметь, я считаю, что у тебя крыша поехала. Никто не заставляет тебя делать домашку.

Деккер был прав. Потенциально мертва, по воле случая – в коме, по факту – чудом выжившая. Конечно, у меня фора на ничегонеделание. Но я все еще планировала закончить школу круглой отличницей. На сегодняшний день я отстала всего лишь на неделю. Такой объем материала не так сложно нагнать.

– А что задано? – спросила я.

Деккер пожал плечами и, раскрыв рот пошире, откусил от бургера огромный кусок.

– К тебе Жанна придет.

– А-а…

Честно говоря, меня удивило, что придет именно она, а не кто-то другой из ребят. С начальной школы у нас была общая компания, в столовой мы сидели за одним столом, но дружили только потому, что дружили наши друзья.

А еще Жанна – младшая сестра Карсона. Они были очень похожи: зеленые глаза, белые кудри, насмешливая улыбка. Только Жанне повезло несколько меньше, чем брату: глаза не такие большие, кудри как у барашка, а между передними зубами – щербинка. Но, в отличие от брата, который учился с нами только потому, что в третьем классе остался на второй год, Жанна была умна. Действительно умна. Сейчас она занимала второе место по успеваемости. Наверное, и по этой причине мы никогда не сближались по-настоящему. Но кто знает, возможно, теперь сблизимся.

По словам Деккера, пока я лежала без сознания, меня приходили проведать все мои знакомые – и незнакомые тоже. Посетители рыдали и обнимались у дверей палаты. Оказывается, мертвая я вызывала гораздо больше интереса. А когда я пришла в себя, навещать меня приходили только ребята с озера и девочки из

школы, да и то фактически они навещали моих родителей, потому что меня постоянно обследовали. Необычность ситуации постепенно сошла на нет. Три дня назад я вышла из комы – навещал меня только Деккер. Теперь вот образовалась Жанна. Кроме того, сегодня была суббота. Существует масса гораздо более интересных способов провести выходной, чем в больнице. Или со мной.

– Деккер… – Я отложила бургер, подождала, пока он сделает то же самое. Слишком мало ответов на свои вопросы я получила, а их за эти дни накопилось много. – Что там случилось? – Я махнула рукой в сторону окна, надеясь, что примерно в том же направлении находятся наши дома.

– Ты упала. Я бросил тебя, и ты упала, – произнес Деккер. Он впился в поручень кровати так, что побелели костяшки пальцев. Встал и вышел из палаты, оставив недоеденный бургер.

Мама пришла, когда я приканчивала картошку фри и второй бургер.

– Расскажи мне, как все было на озере, – попросила я.

– Ты упала, провалилась под лед, а Деккер тебя вытащил, – ответила она и тихим, размеренным голосом принялась рассказывать какие-то домашние пустяки. И пообещала, что скоро, совсем скоро – цок-цок-цок – меня отпустят домой.

В моей жизни образовалась дыра – и никто не желал ее заполнять. А вечером появилась Жанна и рассказала мне все. Она сидела на постели, держала меня за руку – крепко держала. Не знаю, заметила ли она, что взяла меня за руку, но я позволила ей и слушала.

После того как я упала и пошла под лед, Деккер кинулся ко мне, но Кевин Малрой (все знают, что он смелый) и Джастин Бакстер (все знают, что он трусишка) успели схватить его и оттащить на берег. Деккер все время кричал мое имя. Он цеплялся за лед и сломал три ногтя.

Жанна позвонила в 911: «Дилани Максвелл провалилась под лед на озере Фалькон. И не может выплыть». Жанна и Карсон побежали к ближайшему дому – дому Мак-Говерна, но никто не открыл. Тогда Карсон бросил полено в окно

гаража, разбил его, влез внутрь и схватил веревку, которой Джеймс Мак-Говерн страхуется во время зимней рыбалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/miranda_megan/devushka-kotoraya-ushla-pod-led

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить